

АЛЕКСАНДР БЕЛЫХ: МОЯ МЕЧТА ОСУЩЕСТВИЛАСЬ

Переводчик – «ПОЧТОВАЯ ЛОШАДЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

*«Загребая жар руками,
Тысячелетний жар
отпылавшего сердца,
Угольком его пишу
иероглифы...»*

(из сборника «Сакура цветёт
сурово», 2014-2016,
А. Белых)

Из биографии:

Александр Евгеньевич Белых (Вялых). Переводчик, поэт, прозаик, сценарист. Жил и работал в Японии, публикуется в журналах и альманахах. Известность принесли переводы таких романов Юкио Мисима, как «Жажда любви», «Шум прибоя», «Запретные цвета», «Смерть в середине лета», «Золотой храм». Получили заслуженное признание его переводы классической японской поэзии: антология «Японская поэзия», антология «Дикая азалия», сборники «Эхо сердца», «Увядание пурпура». Александр Белых создал романы «Сны Флобера», «Акума, или солнце мёртвых», выпустил книгу «Феноменологический синематограф» и многое другое. Стихи А. Белых переводились на японский, английский, французский, сербский, испанский языки. Александр участник крупных поэтических фестивалей.

Сегодня он продолжает заниматься творчеством, в том числе антологией немецкой поэзии, переводами и написанием романов.

На этой фотографии видно, какими словами представляет себя сам Александр Белых, наш земляк, переводчик из Владивостока. Познакомиться с ним нам удалось ещё задолго до презентации

рубрики «Персона» журнала «Печатный двор. Дальний Восток России», 2021. Впервые услышать «из первых уст» о его деятельности мне посчастливилось в литературной гостиной «Печатного двора-2020», гостеприимной хозяйкой которого была приморская писательница Татьяна Таран.

Татьяна Таран: Сегодня у нас в гостях Александр Белых. Прекрасный, харизматичный, умный, душевный, ответственный. Александр, я рада знакомству с вами. Приятно общаться с такими писателями, которые ещё и душой светлые, яркие и радостные. Но, возможно, не все хорошо знают ваше творчество. Надеюсь, сегодня мы восполним эти пробелы, и вы расскажете нам о себе, где вы учились и почему вы такие книги пишете, «немного японские»?

Пушкин тоже «хайкуист»

Александр Белых: Спасибо, что вы пришли на мою встречу, такой круг любителей литературы... Как интересно, что в этой литературной гостиной я сам оказался на встрече с Анной Тарабриной, с которой мы знакомы ещё по Находке, по Хабаровску. И вдруг слышу, она читает стихи, посвящённые Пушкину. Не сговариваясь с ней, сегодня рано утром я проснулся и первым делом взял десятый том Пушкина (а это письма) и стал читать. И так увлёкся этим чтением, что сочинил тоже несколько стихотворений, но в японском духе. Я вдруг обнаружил, когда Пушкин пишет письма своим друзьям, он пишет таким ярким языком, что они просто просятся в стихи. По дороге сюда я сочинил несколько стихотворений. Я даже задумал тему «Пушкин-хайкуист», так как выделяя некоторые фразы, строчки, образы из писем, из эпистолярной прозы Пушкина, можно делать стихи, подобные хайку. Эти стихи выложил в фейсбуке, и вы можете их прочитать, если у вас есть доступ. Такое вот интересное совпадение, синергия, как говорят, с Анной Тарабриной.

Изначально я переводчик с японского языка, окончил ДВГУ, а потом учился в Токио. Я не скажу, что я сразу пришёл к японской теме. Она мне даже была чужда, и я должен был преодолеть сильные ментальные преграды, чтобы понять, что такое японская поэзия и мышление. Можно сказать, что я до сих пор ещё нахожусь на пути поиска подъёма к вершине этой Фудзиямы японской мысли. Но я уже понял, что моё творчество, так или иначе, будет связано или перекликаться с японской литературной традицией, тем более, что японцы в XX веке очень много позаимствовали из русской культуры. Значительно в меньшей степени, чем русские поэты (Андрей Белый тоже мечтал написать хайку), но японская традиция обращалась к русским поэтам – Бальмонту, Мандельштаму и др.

В одно время, в 90-е годы, поэзия страны Восходящего солнца просто хлынула в русский мир. Жанр хайку, трёхстишие, довольно «маргинальный». Не знаю, сколько времени ещё должно пройти, может лет сто, чтобы он стал самостоятельным достойным жанром, но пока поэты только осваивают эту традицию. Но у нас во

Владивостоке есть интересный поэт, ему за восемьдесят лет, зовут его Александр Егоров. Я несколько лет назад купил маленькую такую его книжицу «Хайку и танка». Меня потрясло его мастерство и точность, как он хорошо изучил эту форму и законы жанра, и как он воплотил это в своих стихах, уже основываясь на русской теме. А он поэт крестьянского склада, я прошу вас обратить внимание на его творчество. Он живёт в наше время где-то на Чуркине, издаёт книжки, и, возможно, когда-нибудь он предстанет и перед вами.

Почему я стал писать хайку? Мне надо было переводить эту поэзию на русский язык, а как переводить, если ты внутри не освоишь это понимание? Поэтому я пытался найти её образы. Это довольно простая структура поэзии, и она характерна для всей мировой литературы. Иногда читаешь стихотворение, к примеру, того же Пушкина и обнаруживаешь наличие этой же структуры. Там всегда должен быть образ природы. Рядом с образом природы присутствует человек, при этом её не заслоняя. А замыкать всё должен образ космоса, неба. И так можно увидеть некие формы или крючочки, которые связали бы небо, человека и природу в некую единую гармонию.

Философия хайку и импрессионизм

Поэзия хайку (трёхстишие) возникла как издевательство над классической японской поэзией танка (пятистишие). Прошло сто лет, и вот этот ёрнический жанр вдруг стал и самостоятельным, и философским. Поэт, который вознёс его на вершину поэтической мысли, был Мацио Басё. У нас эту поэзию представляла Вера Маркова, которая дала прекрасные образцы переводов. Можно сказать, что она и создала жанр русского хайку, трёхстишие на русском языке. Уже другие поэты, которые обращались к этой поэзии, отталкивались в первую очередь от поэзии Марковой.

КНИГА И МИР ИСКУССТВА

Эталоном служило то, как она сама воспринимала и могла передать смысл и содержание на русский язык.

И я тоже читал и сравнивал переложение поэтической мысли у Марковой. Когда она переводила, то она думала о восприятии русского человека, а у русского человека не было опыта восприятия такой поэзии. Поэтому она немного стилизовала под русскую классику. Эти моменты прослеживаются. Но японская поэзия не такая, она отличается от русской классики: не рифмованная, всего три строчки.

Японское стихотворение пишется в одну строчку. А переводчики (и я в том числе) уже создают три строки, хотя некоторые моменты тоже хочется передать в одну строчку.

Одно из поздних стихотворений Мацио Басё:

Море стемнело.

Уток голоса.

Едва-едва белеет.

Это стихотворение можно передать одной строчкой:

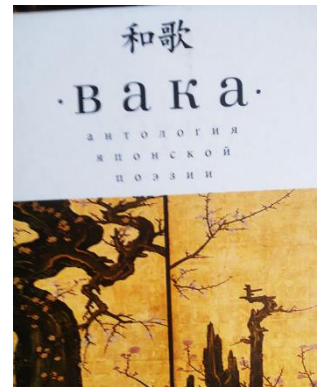
О, сумрак моря, едва-едва белеет, выкрик уток.

Тут не поймёшь, что белеет: сумрак моря или выкрик уток? И дело в том, что глагола «белеть» нет в японском языке, есть прилагательное «белый». Но Басё в конце предложения поставил это прилагательное, и получилось, как бы, сказуемое в заключительной фразе. И многие над этим бьются, как же так понимать: что это за стихотворение? А на самом деле – это открытие импрессионизма, который нам знаком по французской живописи. Это точечное изображение сумрака, летящих уток, вечера. Это таинственность.

Эпоха перемен и вечное

У меня была мечта. На литературное поприще я вступил в конце 80-х – начале 90-х годов, когда всё рушится, непонятно, что

будет. И выбор был просто невероятный, куда идти, чем заниматься. И я решил, что в такие бурные исторические моменты я буду заниматься вечным. Вечное – это поэзия. Есть такой поэт Фудзивара Садаи, и он жил в такую же бурную эпоху крушения японской аристократической культуры. Жизнь аристократов приходила в упадок, и им на смену приходило сословие воинов – самураев. И Фудзивара писал в своих дневниках про эту эпоху. История циклична – там начало раздробленной феодальной жизни, и у нас какая-то непонятная постсоветская жизнь наступила. Тут мы с ним совпали. Я считал, что единственный способ как-то сохраниться в этом мире, это не беготня за деньгами или чем-то ещё, а занятие поэзией, переводами. Никогда нет подходящего времени, урывками или моментами приходилось находить место для литературы. Парадокс, но, когда бывает особенно тяжело и нет средств, во время самых больших неурядиц, – именно в это время удобнее всего заниматься поэзией. Советую вам в моменты отчаяния, пустоты, возьмите и окунитесь в глубину творчества, и это очень помогает вынырнуть на поверхность. Я сам в этом уже непрерывно пребываю.

И вот моя мечта осуществилась!

В 2018 году я издал книгу, которую делал в течение 30 лет. Этот том охватывает японскую поэзию от IV до XX века. В ней я стремился представить все эпохи развития японской поэзии. Я думал, что, наконец-то, идея моя воплотилась: я издал книгу в Петербурге в издательстве «Алетейя», и японскую тему я теперь закрываю и больше не буду к ней прикасаться. Так я себе сказал... и тут встречаю художника Геннадия Кунгурова. Он говорит: «Саша, у меня есть картинки японские, давай сделаем книгу». Я хотел отказаться, думал, уже выдохся, хочу другими темами заниматься, писать свой роман. Но тут (в 2019 году) меня пригласили в Приморскую краевую публичную библиотеку

им. А.М. Горького на осенние Дни японской культуры, посвящённые Году культуры Японии в России. Я должен был провести мероприятие по книге стихов, и меня заранее, ещё весной, предупредили об этом. И очень кстати оказалось это замечательное предложение от художника, создавшего прекрасную графику. Увидев её, я вдруг осознал, что мне не хочется представлять не мероприятию то, что уже было сделано. Я решил сделать что-то ещё, именно, для этого вечера. Взял известную японскую антологию: сто стихотворений от ста поэтов. Книгу до меня уже переводили, но я решил сделать новый перевод. Задумывал взять стихотворений пятнадцать, и о них рассказать публике, проанализировав, как они устроены. В процессе же работы так увлёкся этими переводами, что сделал перевод всей книги: все сто стихотворений перевёл. При этом нашёл ещё звуковой материал, где японцы эту поэзию читают и поют. Я слушал и улавливал мелодию стихотворений, сидел и переводил.

Из Намуро Кендзоо, перевод А. Белых:

*Зелёный месяц в ночи –
И вместе с ним, нарастающим,
Наливается плод сливы...*

*Вглубь мыслей моих
Проникают запахи
Вечнозелёного дуба...*

*Ветрам не разнять,
Вцепились в старую тропинку
Зеленеющие травы...*

Сделал я эти сто стихотворений и подумал: «Вот и готова книга для Геннадия Кунгурова». Пришёл к нему и говорю: «У меня

есть материал, давай сделаем книгу». Мы и сделали. Я предложил издателю, он согласился. Издательство это издаёт малотиражную литературу интеллектуального плана, не коммерческую. Не знаю, как оно выживает... Но мою книгу они издали бесплатно. Мне ничего не заплатили, и Геннадию Кунгурову тоже. Тираж – около тысячи экземпляров. Я сам купил с десятков экземпляров книг, мне их прислали, и вот мы сегодня на этой презентации их и представляем.

Так вот создаётся книга, с элементом внезапности, по-разному.

От поэзии к прозе

Но помимо поэтической темы в 90-е годы я много занимался японской прозой. Заключение договора с издательством на перевод романа. Когда я учился в Японии, привёз оттуда много книг, которые хотел бы перевести. Для меня 90-е годы прошли в этой переводческой работе, погружён в неё был. Единственное, что я тогда жил в Артёме, и у нас по 12 часов не было света. Приходишь с работы, света нет, готовить не на чем. Текст, который ты до отключения набирал, в такие моменты пропадал, и приходилось всё делать заново.

Я переводил от руки и на печатной машинке. Первый роман был под названием «Жажда любви» Юкио Мисима. Это скандальный японский писатель, которого я называю «последним самураем». Он был националистом, но любил русскую литературу, и в его романах всегда есть отсылки к ней. И когда его переводишь, то какой-то его кусочек подражателен Ф. Достоевскому, а пейзажи сельской местности у него похожи на описания Л. Толстого. Мисима – писатель психологический. И я перевёл три его романа. Самый большой из них (500 страниц) – это «Запретные цвета».

Как-то раз вижу, сидит знакомая девушка в «Копейке» и читает роман Мисима «Запретные цвета». Я присаживаюсь к ней,

она спрашивает: «Читал книжку?» «А что такое?» – улыбаюсь. «Да, такая интересная!» – отвечает. «А кто ж там переводчик?» «Да, не знаю». Листает и с удивлением видит мою фамилию. Такие истории иногда происходят.

И поэт, и переводчик

А часто от своих коллег по переводческой работе я слышу такие вещи, которые считаю оскорбительными.

Например, я недавно что-то перевёл, и как вы думаете, что можно спросить у переводчика? «Ты сам переводил?» – звучит вопрос. А другой раз знакомая спрашивает: «Саша, а могу ли я быть переводчиком?» – «Конечно можешь!» – «А что для это надо сделать?» – «Надо изучить языки и переводить». – «А как же Ахматова? Она же не знала корейского языка». – «Да, она не знала корейского языка, но другие переводчики делали дословный перевод». Да, Анна Ахматова прекрасно перевела корейскую поэзию. Есть такая практика в советской переводческой школе, когда сам дословный перевод делает профессионал. А мне кто будет делать подстрочный перевод? Если я сам профессионал, знаю язык, то сижу и перевожу. Но поскольку я ещё и поэт, то делаю это в поэтической форме. Я понимаю смысл. А если я буду просто подстрочник делать, то это будет абракадабра какая-то, бессмыслица.

Из сборника «Сакура цветёт сурово», А. Белых

Лёгкий снег...

Солнце шурит в облаках,

Играет в жмурки с кошкой...

В бухте Аякс

Волны как кинулись в пляс,

Пока не сковало льдами...

Надо использовать своё поэтическое воображение, и теми же словами, которыми было написано стихотворение в оригинале, я пытаюсь сделать осмысленную вещь. При этом что происходит? Ты проговариваешь, читаешь, понимаешь структуру, смысл, а, главное, мысль стремишься донести. А уж ритм – само собой! А когда ритм нашёл, то дело за размером. Иногда бывает, что стихотворение в одном размере написано, а ты переводишь в другом. У нас слова немного

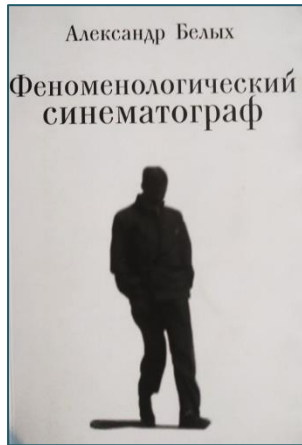
длинноватые, а в немецком и японском они короткие. Поэтому и ритм меняется. Но когда уже сделано стихотворение, видишь, что оно получилось, то деваться некуда, и оставляешь так, как создал.

«Почтовая лошадь просвещения»

Другой обидный момент для переводчика: сделал книгу, а тебе говорят: «Но это ж не ты написал!» Как будто труд переводчика тут не при чём! На самом деле я даже рад, что читатель читает и даже не знает имени того, кто переводил. В этом и заключается качество хорошего перевода: ты не должен быть на первом месте. Никакого «себя» там не должно быть. Надо суметь так органично влиться в ритмику этой прозы, чтобы стать для читателя незаметным. И когда ты улавливаешь этот ритм, тогда легко идёт работа, текст как бы льётся сам.

Александр Пушкин сказал, что переводчик – это «почтовая лошадь просвещения». Вот я та самая загнанная почтовая лошадь эпохи конца просвещения. И, конечно, вся переводческая работа не могла не отразиться на моём творчестве. Представляете, три романа

КНИГА И МИР ИСКУССТВА

(тысячи страниц!), и каждый иероглиф я выписал своей рукой, чтобы понять и расшифровать его значение. А Мисима писал ещё и на старо-японском языке. В 1945 году произошла реформа японского языка, после чего тот упростился. Все старые иероглифические формы были удалены, но этот писатель сопротивлялся: «Я буду писать так!». Он по-прежнему составлял громоздкие грамматические конструкции. А как передавать этот стиль в русском языке? У нас литературный язык сформировался в 18 веке, а Мисима

продолжал писать на своём дореформенном литературном языке. Для читателя надо было донести, чтобы всё было понятно, поэтому я подбирал для той эпохи какие-то старые слова. Например, употреблял не «кинематограф», а «синематограф».

Из Мацуо Басё, перевод А. Белых:

*Из последних сил
Схватился за ячменный колосок,
Расставаясь с жизнью...*

*Ну, вставай же,
Будь мне подружкой,
Спящая бабочка!*

Хайку и поэзия Серебряного века

Возвращаюсь к трёхстишию хайку, я хочу пояснить, почему мне так нравится этот жанр. Жанр помогает «концентрировать» слово. Стихотворение не должно «выползть» за 8 – 9 слов, если оно больше, то это уже не хорошо. Когда я вижу идею стиха, я

стараюсь «уплотнить» его поэтическую мысль, сжато передать образы.

Я заметил, что Анна Ахматова тоже писала очень короткие поэмы. Она тоже «экономила» слово. В начале 20 века поэзия танки стала проникать в русскую культуру, появились переводчики, и этому жанру учились наши К. Бальмонт, В. Брюсов и другие. Постепенно мне открылось понятие, выраженное в названии книги стихотворений О. Мандельштама «Камень» (суть – ёмкое, твёрдое, плотно сжатое, как камень, слово). И если вы откроете его двухтомник, первое же стихотворение начинается с четверостишия, которое по своей структуре типичнейшая хайку. Он добавил к ней всего лишь одну строчку и, конечно, этим её не испортил. Абсолютно японский дух.

*Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа.
Среди немолчного напева
Глубокой тишины лесной...*

(Осип Мандельштам, 1908 г.)

Книга А. Белых «Страсть к небытию» с подзаголовком «Поэзия как мышление»